

Император, человек слабонервный, избегавший споров и придерживающийся философии "не раскачивать лодку", трепетал перед императрицей и ее родственниками. Он пренебрегал матерью Кошуна, никогда не защищая ее, наивно полагая, что если оставить их в покое, то в конце концов им станет скучно. Он был чужд пониманию чужой боли. В этом отношении императрица, наоборот, прекрасно ее чувствовала. В злом смысле. Она знала, как заставить людей страдать. Мать Кошуна, подобно императору, избегала ссор, так что, возможно, в этом они были идеальной парой. Однако сейчас Кошун этого не мог знать. Его мать изо всех сил старалась не демонстрировать свою боль. Даже когда над ней издевались при дворе, используя в качестве предлога ее низкое происхождение, даже когда ее заставляли танцевать танец, в котором она не разбиралась, она терпела. В детстве Кошун стыдился своей матери, которая только терпела и не пыталась сопротивляться, — он был слишком наивен, чтобы понять ее. — Пожалуйста, перестаньте приходить сюда так часто. Я уверена, что у тебя полно дел в Восточном дворце, — сказала она однажды. Эти слова ранили Кошуна. Несмотря на то, что он так беспокоился о своей матери, с ним обращались как с помехой. Он мудрел, но его сердце оставалось незрелым. — Хорошо, я понял. Больше я сюда не приду, — сказал Кошун и вернулся в Восточный дворец. — Почему я так сказал? — Этот вопрос мучил его. Это был последний раз, когда он видел свою мать живой. После похорон Кошун посетил опустевший дворец матери. Матери не было ни в ее комнате, ни на кровати. Кошун в оцепенении сел на стул и уставился на дверь, за которой виднелся сад. — Причина, по которой твоя возвышенная мать не сопротивлялась императрице, в том, что она боялась, что тебе будет причинен вред, — наставляла его Ун. Именно поэтому она сказала ему не навещать ее слишком часто. Кошун узнал о смерти своей матери как раз в тот момент, когда собирался навестить ее. Каждый раз, когда он вспоминал последние слова, сказанные ей, он чувствовал острую боль в груди, как будто его пронзили лезвием, оно провалилось внутрь и оставило зияющую дыру. Он был пуст внутри. Перед пионами в саду Кошун заплакал. Когда он думал о своей матери, которая не смогла положиться на императора, заставила сына сказать ей холодные слова и умерла в одиночестве, он уже не знал, как искупить вину. Время для искупления прошло. Потому что его мать была мертва. — ...Кто это? В чем дело? Ты плачешь? — нежный голос прервал его размышления. Кошун хорошо помнил ту женщину, которая окликнула его. — Даджия, — ответил он. Кошун очнулся от дремоты и посмотрел на И Сэй. Он провел рукой по лбу и встал с шезлонга. И Сэй приготовила ему чашку ароматного чая, и после глотка у него прояснилось в голове. Он лежал в своей комнате во внутреннем дворе, закончив утренние государственные дела. В последнее время дел у него становилось все больше, заставляя его засиживаться до поздней ночи, и это доходило до того, что отнимало силы у его тела. — Но сейчас решающий момент. Он не мог позволить себе совершить какую-либо ошибку. Он погрузился в глубокую задумчивость, глядя на поднимающийся пар. И Сэй, чтобы не мешать ему, тихонько накладывала в миску вареные в меду финики. Украсив блюдо личи, он подал его Кошуну. Тот поднес финики ко рту, размышляя. Личи были сочными, а сладость фиников впиталась в его язык. Казалось, это успокаивает его усталость. — Дацзя, это из дворца Ямэй, — И Сэй получил письмо от евнуха, бегавшего на побегушках, и передал его Кошуну. Открыв письмо, он увидел красивый почерк на бумаге с водяной рябью.² Вероятно, это был почерк Дзюсэцу. Просмотрев его, Кошун издал легкий смешок. — Что-то случилось? — спросил И Сэй. — Ничего страшного, — Кошун сложил письмо и положил его на грудь. Он тут же жестом подозвал к себе И Сэй. — Ты вызвал Каку Коу в Академию Коуту? — Да, — ответил И Сэй. Официальное название Академии Коуту — Академия Дворца Коуту, и это было место, где выдающиеся ученые занимались сбором и сопоставлением книг. Они вызвали туда Каку Коу, который сдал дворцовые экзамены на высший балл, под предлогом попросить его перевести классический манускрипт. — Приготовьте два мундира для евнухов и отправьте их во дворец Ямэй, — продолжил Кошун. В письме содержалась просьба позволить ей как можно скорее встретиться с Каку Коу. Это звучало довольно самонадеянно. — Да... — И Сэй подчинился, но выглядел недовольным. Дзюсэцу было бы неприятно носить одежду супруги в Академии Коуту, которая

находилась за пределами внутреннего дворца. Даже супруги могут выходить наружу, если получают разрешение, но просто задавать вопросы одному чиновнику было бы слишком хлопотно и бросалось в глаза. Одеваться как мужчина было модой того времени, и даже во внутреннем дворце были те, кто одевался в мужские халаты, но Дзюсэцу выглядела бы как женщина, одетая в мужскую одежду. Он считал, что им едва ли удалось бы справиться с этой задачей, если бы она была одета как мальчик-евнух. — Дадзя, ты делаешь вещи, которые на тебя не похожи, — пробормотал И Сэй. — Когда дело касается этой супруги, — Кошун ненавидел нарушать обычаи. Однако он упустил из виду Дзюсэцу, последнюю выжившую представительницу предыдущей императорской семьи, заставил ее одеться евнухом и вывел из внутреннего дворца. — Бывают времена, когда такие вещи необходимы. И Сэй не выглядел так, будто его совсем не удовлетворил ответ Кошуна. Кошун и сам не понимал, зачем он это делает. Ему казалось, что он хочет посмотреть, что будет делать эта девушка. Это было движение его сердца, которого он давно не чувствовал после потери матери и друга. Кошун встал и достал из шкафа футляр для аксессуаров. Он снял крышку и спрятал содержимое у себя на груди. И Сэй неохотно позвал посыльного и приказал ему приготовить две формы для евнухов.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/2961945>